

Москва, 1999-2000-е гг.

группа "Мираж". Легендарная группа "Мираж". "Музыка-а-а нас связала". Это апокриф. Это нетленное достояние российской попсы, детище Андрея Литягина. Это кузница кадров, наконец. СВЕТЛАНА РАЗИНА, НАТАЛЬЯ ГУЛЬКИНА, НАТАЛЬЯ ВЕТЛИЦКАЯ, ИРИНА САЛТЫКОВА, ТАТЬЯНА ОВСИЕНКО — кто только не пел в этой группе. Сейчас почти все ходят в звездах. Еще бы. Уж больно круто загнут был трамплин. А кто такая Рита Суханкина? Слышал кто-нибудь это имя? Кто-то, разумеется, слышал. И знал, что все вышеназванные блондинки просто открывали рот. А пела одна Рита Суханкина. Голос "Миража". Его тайное альтер эго. Знали себе и знали, чего тут удивительного. Тем более что сама Рита молчала и предпочитала оставаться в тени. Но сейчас она решила выйти на свет и заговорить. Рита (теперь она носит фамилию бывшего мужа — Рита Маруна) эксклюзивно для "МК" рассказала истинную историю рождения, расцвета и заката группы "Мираж". Этой гениальной мистификации восьмидесятых. А заодно — и свою собственную. Нынче Рита — солистка Большого театра.

Этим летом Рите Суханкиной позвонил Саша Букреев (товарищ и партнер Литягина) и завел речь о новом альбоме группы "Мираж". Они договорились встретиться и обсудить. На этом все заглохло. А уже осенью Рита побывала на презентации нового, возрожденного "Миража". И опять услышала свой голос. Еще два-три года назад они с Андреем Литягиным записали эти римейки старых песен. Они-то и звучали теперь со сцены в "исполнении" четырех юных попрыгуншек.

Но пригласил Риту на презентацию вовсе не Литягин, как решили многие. И оценили как поступок с его стороны. Нет. Риту пригласили совсем другие люди.

— Конечно, меня позвал не Андрей! Зачем ему это надо — ему ж это не выгодно! Он ведь меня скрывал. И он был в шоке, когда я там появилась. Перепутался страшно, аж позеленел! Я сначала вообще идти не хотела. Но мне сказали: "Рита, приходи. Сколько ж можно обманывать людей!" И я прикинула — и правда, сколько можно-то? До последнего момента сомневалась — выходить ли мне на сцену. Но когда я увидела этих четырех девочек (новый состав "Миража". — Авт.), услышала свой голос, то решила, что обязательно выйду и буду петь. И что пора кончать со всей этой историей. Я поняла две вещи — во-первых, что Мираж уже умер. Это вчерашний день. И еще — теперь мне почему-то захотелось заглянуть в карман к Андрею. И в глаза ему тоже посмотреть более пристально. Хочется в общем-то и самой заработать. Я поняла, что полное право на это имею. Хотя у меня все нормально, все есть. Но, оказываясь, можно что-то большее иметь. Может, ездить на более дорогой машине. И, по-моему, я могу на это претендовать.

Родилась в жупах

Рита вышла на сцену. И спела, аккомпанируя себе на рояле. Ее появление стало сенсацией. Ей устроили овацию, совершенно забыв про четырех нелепых девочек, только что прыгавших под чужую фанеру. Но на этом история не заканчивается.

Рита Суханкина и Андрей Литягин познакомились давно, еще подростками. Большой компанией ходили на дискотеки, в театры, на концерты. Потом жизнь их разлетелась, каждый занялся своим образованием. Рита (в детстве она пела в Большом детском хоре под руководством Попова) закончила музыкальное училище. Как-то раз у нее раздался звонок, звонил Андрей: "Рит, мы тут развлекаемся, музыку пишем. Я помню, ты в хоре пела, не хочешь попробовать спеть?" На допотопный магнитофон они записали песню "Снежный человек" — со смешным, примитивным мотивчиком. И Рита быстро забыла эту историю.

Прошло еще два или три года. Она училась на первом курсе Московской консерватории, когда опять позвонил Андрей: "Не хочешь еще раз попробовать? Я тут написал несколько песен. Ак триннадцать штук, целый альбом". Она сказала, что ей уже неинтересно. Но он настаивал: "Рита, это уже не "Снежный человек". Это совсем другое, это здорово". Она согласилась.

— Я вообще экспериментатор, люблю пробовать себя в чем-то новом. И сначала мне нравилось. Музыка действительно отличалась от "Снежного человека". Андрей закидал меня видеокассетами, требовал, чтоб я смотрела и повторяла чей-то стиль. Но когда я пыталась подражать, получалось смешно и искусственно. Я сказала: "Давай, уж я спою так, как я пою. Не понравится, другие девочки пусть попробуют". Записала песни две-три, они их где-то крутанули. Через пару дней Андрей позвонил буквально в восторге: "Рита, срочно приезжай!" Показали со страшной силой, и нужно было быстро записывать еще.

Я записала десять песен и решила — поразвлекалась, и хватит. У меня в тот момент шла активная статуйровка голоса. Ныне покойная Нина Львовна Дорлиак, гениальный педагог, давала мне определенную школу, развивала классический вокал. Однажды я пришла на урок и поняла, что у меня начались проблемы с голосом. Так спортсмен начинает тренироваться, у него мышцы развиваются, и он испытывает болезненные ощущения. У меня в горле возникли такие болезненные ощущения. Я сказала Андрею: "Пусть будет десять песен. Какая тебе разница?" Я-то не знала, зачем ему все это, считала просто развлечением. Он говорит: "Мне кровь из носа надо еще три. И срочно". Но я отказалась. Тогда он пошел по ресторанам и барам искать певицу. Переслушал кучу вокалисток, нашел Наташу Гулькину и Свету Разину и соединил их. Более того, он выбрал из них мою манеру пения. Потом, когда я послушала эти три песни, сама удивилась — откуда они, вроде я их не писала.

— То есть даже вам показались, что это ваш вокал? — Да. С помощью техники он вывел почти точь-в-точь мой голос. Они сделали кассеты и пустили их в продажу. Это и был первый альбом группы "Мираж".

— Вы об этом ничего не знали? — Нет. Была просто комедийная ситуация — на дворе лето, мы с друзьями поехали на пляж. Рядом остановилась машина, и из нее доносятся звуки этих песен. Я — начинала, ну полная идиотка! — подползла к машине, вижу там человека и говорю радостно: "Здравствуйте! Вы, наверное, приятель Андрюши Литягина?" Он смотрит на меня, как на большую, и говорит: "А это кто?" Я: "Вот же у вас кассета, вам ее Андрюша подарил, да?" — "Какой Андрюша? Я купил ее в ларьке". — "Где купил?" — я даже не поняла.

— Вы испытывали шок? — Я обалдела совсем. Я ж не знала, что он будет этим торговать, что у него есть планы на бизнес. Мне бы как-то подумать. Но я человек некоммерческий, все летаю где-то в облаках. А тогда — тем более. Я была девочкой из консерватории, я была дико счастлива, что наконец туда поступила. Да еще к педагогу, о котором мечтала всю жизнь. Какая тут коммерция! В полном недоумении я позвонила Андрею и говорю: как же так? Он сказал: "Да, я нашел девочек, дописал альбом, и мы его выпустили". Потом мы с ним встретились, он что-то

рожалась

в жупах

компенсировал мне по совершенно смешным меркам. Как говорится, дал чуть-чуть денег и "ну, Рит, давай-давай, иди". И пропал. Больше я этого не касалась. Просто слышала, что меня отчислят! Но добрые люди нашли, тут же доложили. И как только что-то случалось — заболела ли я или еще что-то, — педагог мне говорила: "Это все ваши эстрадные песенки. Поэтому у вас все проблемы". Тогда я сама сказала Андрею: "Сделай так, чтоб на кассетах не было моего имени".

— Мало того что денег не заработали, да еще и проблем нашли. Вы понимали, что вас обманули и использовали? — Тогда — нет. Мы же с детства дружили. Мне казалось — ну как это возможно, мы же давние приятели. Я долго не верила, когда мне твердили: "Рит, ты в своем уме — на тебе делают миллионы, а ты ни сном ни духом". Я отвечала: "У меня все есть, мне ничего не надо". Потом все-таки позвонила Андрею, а он говорит: "Давай договоримся так. Если у тебя вдруг возникнет какая-то нужда в деньгах, ты можешь всегда позвонить, и мы тебе любую сумму дадим".

— Смешно! — Да. Хотя я воспользовалась этим предложением в нескольких ситуациях, были периоды, когда действительно прижмало. Но я не отдавала себе отчета, насколько масштабны размеры этого бизнеса, насколько колоссальные там деньги. Если тот же Саша Букреев на эти деньги сделал банк и стал банкиром. А Андрей все бросил и сделал это своей профессией, не будучи профессионалом в этой области, — то можно себе представить. Но я тогда об этом не задумывалась, и за Андрея искренне радовалась.

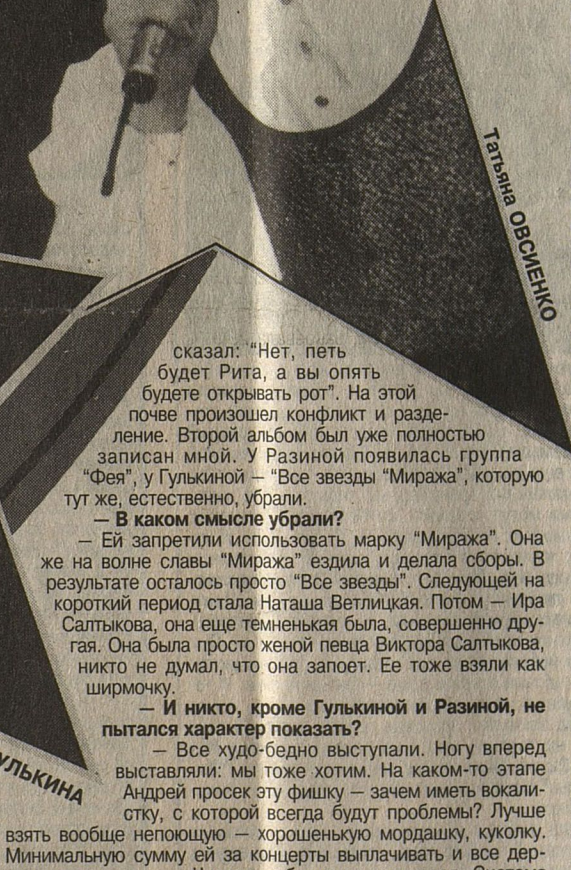
— Как же Литягин вас скрывал все эти годы? И глав-

ное — зачем? Почему не предлагал вам самой работать в группе? — Поначалу Андрей надеялся, что я закончу консерваторию, перебежусь, а потом все-таки выйду на сцену. Но группу, которую я уже существовала на кассетах, требовалось показать публике. Она приобрела название "Мираж", потому что как таковой группы не было. Было три человека — я, Литягин и гитарист Леша Горбашов. Все остальное — постоянно меняющиеся подставки, люди-манекены. Хотя однажды я все же вышла на сцену. Андрею надо было сдать программу в Министрство культуры, по-моему. Там потребовали, чтобы певица пела живьем. Он сказал: "Я тебя умоляю! Пожалуйста, приходи". Я пришла. Три или четыре песни благополучно отпела живьем и полдня крутилась в эстрадной тусовке. Помню, была Маша Распутина, еще кто-то. И вся эта компания, все, что там происходило, оставило во мне такой неприятный осадок. В консерватории я была как рыба в воде. А тут меня словно на берег выбросили. Я была нравов очень строгих. От разговоров о том, кто сколько выпил, у кого сколько женщин было, я вся съежилась. Сидела забитая, напуганная. Очень мне тогда не понравилось. Я поняла, что это не мое.

А Андрею, видимо, наоборот, — очень понравилось. Удобно и просто. К тому же — чертовски дешево. Почти задаром. Со временем говорить об участии Риты в проекте "Мираж" стало совсем невыгодно. Да она и не настаивала. Постепенно он привык к мысли, что все так и должно быть.

— Вы говорили, что всегда с интересом наблюдали за девушками, которые работали на сцене под вашим фотопрограмму. Вы были с ними знакомы? — Да, я со всеми знаками Света Разина и Наташа Гулькина — пожалуй, две самые суровые дамы. У них были свои амбиции, но их можно понять. Они имели на это реальные основания, потому что они же на самом деле пели. Те три песни. Их не устраивало положение марionеток. И когда возникла идея второго альбома, они захотели петь сами. На что Андрей

сказал: "Нет, петь будет Рита, а вы опять будете открывать рот". На этой почве произошел конфликт и разделение. Второй альбом был уже полностью записан мной. У Разиной появилась группа "Фея", у Гулькиной — "Все звезды "Миража", которую тут же, естественно, убрал.

— В каком смысле убрал? — Ей запретили использовать марку "Миража". Она же на волне славы "Миража" ездила и делала сборы. В результате осталось просто "Все звезды". Следующей на короткий период стала Наташа Ветлицкая. Потом — Ира Салтыкова, она еще темноватая была, совершенно другая. Она была просто женой певца Виктора Салтыкова, никто не думал, что она запоет. Ее тоже взяли как ширмочку.

— И никто, кроме Гулькиной и Разиной, не пытался характер показать? — Все худо-бедно выступали. Ногу вперед выставляли: мы тоже хотим. На каком-то этапе Андрей просек эту фишку — зачем иметь вокалистку, с которой всегда будут проблемы? Лучшее решение — взять певицу — хорошую мордашку, куколку. Минимальную сумму ей за концерты выплачивать и все держать в своих руках. Что он, собственно, и сделал. Система благополучно заработала. И все деньги он по-хозяйски закладывал себе в карман.

— Кто стал этой "куколкой"? — Таня Овсиенко. И она, конечно, хлебнула по максимуму. Она работала костюмершей в группе. Потом ее ввели в состав. Я помню ее первые попытки, у нее не получалось, она немножко угловатая была. Но постепенно освоила это ремесло. Она задвигалась дальше всех, потому что действительно была человеком очень неприязненным, ничего не требовала, и долгое время ее просто забывали. Я знаю, что были жуткие истории, когда на гастролях на нее накидывались фанаты "Миража". "Мы знаем, что это не ты поешь!" Ее доводили до слез, бросали в лицо всякие обвинения. Чуть ли не бил ее кто-то.

И что удивительно — именно с ней у меня возник самый душевный контакт. Она потрясающий человек — очень милый, добрый и совершенно безбидный. Я от нее просто в восторге. Сейчас, когда я шла на презентацию, то думала — вот я увижу всех. Интересно, какая будет встреча? Я была готова абсолютно к любой реакции. Так Таня первая устроила визг страшный: "Ритка! Как здорово, что ты пришла. Наконец-то!" Просто бесновалась от счастья, что сейчас Литягина вот так вот... (пальцем она давит невидимого клопика. — Авт.). Ко мне подходили многие ребята, которые прошли через "Мираж", через этот конвейер, и было ощущение, что мы родные люди. Я поразилась, насколько душевно и легко мы все общались.

— А как повел себя Литягин? — Он весь вечер ходил кругами вокруг меня, не подходил. Я решила, что тоже подходить не буду. Я знала, что могу начать разговоры о том, что мне лучше уйти. И просто делала вид, что его не вижу. Но я не хотела, чтоб он мне мешал, — я же пришла с определенной целью.

— Вас не задает, что, имена Тани Овсиенко, Ири-

Ирина Салтыкова

ны Салтыковой, других солисток "Миража" известны миллионеры, а вас знает узкий круг посвященных? — Совершенно не задает. Даже напротив. Девочки, которые работали перед Таней, — они мало-мальски с голосами. И я все время думала: как же так? Ведь это все ненадолго. В конце концов им придется как-то самим из этого выкарабкиваться. Да, сейчас они получают эти деньги, эту славу, которая так затягивает. А с чем они останутся потом? Это же опустошение. Это страшно.

А за Таню я переживала особенно. Я знала, что этот человек вообще не поет. И думала, что с ней будут самые серьезные проблемы. Не дай бог, если что — ведь после всего этого можно и руки на себя наложить. И когда я услышала, что она запела, нашла какую-то свою манеру, и у нее все пошло — то от души за нее порадовалась. Без дураков!

— А честолюбие? Оно вас не беспокоило? — Тогда почему-то нет. Я даже обижалась. Мы приходили в новую компанию, я говорила: "Здравствуйте, я студентка консерватории". Все равнодушно кивали. Но если кто-то из друзей сообщал, что я пою в "Мираже", вокруг меня начиналась жуткая суматоха. Меня всегда это оскорбляло — на одной чаше высшее образование, которое дается с таким колоссальным трудом. А на другой — эти песенки, которые мы штамповали. А люди на них так реагируют. Сейчас, анализируя ситуацию, я поняла, в чем дело. Вот дан мне был богом голос! Я просто пела — легко, как птица, — и совершенно не задумывалась, что для многих это проблема. Они мечтают петь, стараются, компьютерные ухищрения используют. А мне эти эстрадные песни не стоили ровным счетом никаких усилий. Вот я и считала, что никакой ценности они не имеют. У меня в детстве была такая история.

Я росла в семье инженеров и видела, насколько тяжело родителям даются деньги. Помню на экране телевизора тогда еще молодых Кобзона, Лещенко, Толкунову. И я у мамы спрашивала: "Мам, а на каком заводе работает Иосиф Кобзон?" Мама говорила: "Ни на каком. Он работает так — он поет. И получает за это деньги". Я была в шоке. Как можно за пение получать деньги? Это же не труд, это удовольствие. С "Миражем" было то же самое — разве можно за такую бездельницу чего-то требовать? Напрасно меня друзья убеждали, что это бизнес, что там другие законы. Только сейчас, наверное, я начала это понимать.

— Желания что-то потребовать не возникает? — Требовать я ничего не буду. Я сделаю иначе. Если раньше я боялась — вдруг что-то помешает мне получить высшее образование, то сейчас я твердо стою на ногах. Я считаю себя профессионалом и уже абсолютно ничего не боюсь. Потому что уверена — я без работы не останусь. Вот вы говорили о честолюбии. Но слава — это тяжелое испытание. И пока я не хочу, чтоб каждая собака на улице меня узнавала. Во всяком случае, я этот момент оттягиваю. Но!! Все это время я прекрасно понимала, что в любое мгновение я могу все перевернуть. И на волне "Миража" я могу сама вскочить на волну и оказаться на грее. Что, кстати, не исключено. Может, действительно так и сделаю. Меня на это сейчас уговаривают. Теперь мне уже ничто не мешает, и я могу выбрать.

— Ого! Это будет анти-"Мираж" или ультра-"Мираж"? — Это вообще не будет "Мираж". Это буду просто я, Рита. Сейчас мы думаем, как лучше сделать. Но уже есть ряд людей — композитор и так далее. Осталось только так (щелчок пальцами. — Авт.) сделать, и все тут же выстроится.

— А как складывается ваша жизнь в Большом театре? И как вы туда попали? — В Большом я солистка оперы. А получилось это совершенно невероятно. Вообще я человек, который себя всю жизнь недооценивает. Так, как я себя критикую, никто меня не критикует. Когда Виктор Попов, хормейстер детского хора, говорил: "Рита, ты должна учиться в консерватории", я отвечала: "Да что вы, там учатся гениальные ребята. Я, наверное, не буду соответствовать". Но он убедил меня, что стоит попробовать. С театром была та же история. Я считала: "В Большом — там все такие большие. А я — нет". И думать об этом не могла.

Однажды мне позвонила однокурсница Лена Брылева — она тогда уже пела в Большом — и говорит: "У нас гастроли в Германии. Не хочешь поехать с нами? Мы едем под шапкой "Солисты Большого театра представляют", я говорю: "Лен, в силу того что я не солистка Большого, я не смогу поехать. Как обманывать людей?" — "Да ладно! Ты там лучше всех споешь. У нас одну певицу надо срочно заменить". Показала мою кассету импресарию, и я поехала с ними на гастроли. Потрясающая была поездка. Потом эти же ребята взяли меня в охапку и притащили на прослушивание. Это было среди года, конкурсы уже прошли. Мне сказали: "Вы пойте по ка. Мы вас возьмем как практиканта, а к весне пройдет конкурс наравне со всеми". Когда дело дошло до конкурса, я прошла его на ура — под аплодисменты оркестра, топот и свист. Пела арию Розины из "Севильского цирюльника". И меня тут же, минута стажерскую группу, взяли в солистки Большого. Единственно, я даже не ожидала.

— Что вы поете сейчас? — Первой была "Свадьба Фигаро" Моцарта. Я пела Керубино. Потом Ольгу в "Евгении Онегине", Лауру в "Каменном госте". Небольшие партии в "Травиате", в "Иоланте". У нас там свои подводные течения, свои камни. Театр есть театр. Маленький театр — маленькие интриги, Большой театр — большие интриги. Все имеет место, сложностей масса, и борьба за выживание тоже идет.

— У вас есть амбиции на попроче оперной певицы? Или Большой театр — это и есть цель, которая уже достигнута? — Большой театр — это, конечно, серьезный рубеж. Но и не высший пилотаж. Есть "Метрополитен-опера", "Ковент-Гарден", "Ла Скала", другие театры, где мечтают петь все. Совершенству нет предела. Но сейчас, седьмой сезон покувыркавшись в Большом, я уже могу трезво оценивать свои возможности. И я задумываюсь не о том, чтобы попасть в "Ла Скала". Я иду свою нишу в вокальном творчестве. Сейчас появились новые тенденции, музыкальные вкусы меняются, классические оперы ставятся в современном ключе. Поэтому я хочу опять, но уже в новом качестве вернуться в эстрадную музыку. Есть у меня идефикс — изобрести некий синтетический жанр, соединение классики и эстрады. Мне кажется, я тот человек, который может создать что-то интересное. То, что мы только я. Бедь оперные певицы, как правило, не могут петь эстраду. А если пытаются, то получается довольно пошло. Но у меня глубокие убеждения, что одно с другим не только можно, но и нужно сочетать. Этот синтез — музыка XXI века.

"Мираж" не уникален. Тогда же, в восьмидесятых, разразился громкий скандал с достопамятными "Milli Vanilli". Но дикий Запад — это не мирные пастбища российских поп-просторов. Тамоянная публика, прознав, что им подсунили мимов, молча открывающих рот, чуть не растерзала бедолаг на мелкие клочки. Поминится, тогда "Milli Vanilli" лишили премии "Грэмми". У нас же — все тихо-мирно бьельем поросло. И опыт Литягина многим кажется заманчивым. Шепчут недоброжелатели, что вот и "Hi-Fi" —ская троица трех нот связать не может. Сидит себе в студии Павел Осенко, песенки поет, записывает. А двое ребят и девушка под них пляшут и в клипах снимаются. Но дальние шепота дел не идет. Правда лг нет — кому какое дело. Пускай люди денег подзарабатывают, жалко, что ли. Нам не важно, кто и как нас обманывает. Главное — получать от этого удовольствие. Миражи — это, как известно, наша жизнь.

Фото: Александр КОРНЮШЕНКО, Александр АСТАФЬЕВ, Сергей ФИЛАТОВ, ИТАР-ТАСС